Постсоветское пространство: существует ли оно?

Александр Искандарян

Концепция «постсоветского пространства» стремительно теряет эмпирическую ценность. Еще недавно популярное название культурно-географического пространства становится все более семантически пустым.

Конечно, для обозначения территорий, входивших в состав СССР непосредственно перед его распадом в 1991 году (территория СССР менялась за время его существования), этот термин может использоваться и через тысячу лет, однако он будет мало что описывать в реальности и станет искусственным. Так, например, сейчас странно звучали бы термины «постримское пространство», «постбританское пространство» или «постоттоманское пространство», потому что обозначение чего-либо как «пространства» предполагает наличие связей в настоящем, а не только в прошлом. Там, где нет актуальной общности, нет и общего пространства. Предположим, Алжир и Вьетнам еще совсем недавно были частями Французской империи, но, кроме собственно этого факта, сейчас их вряд ли что-либо объединяет.

Если рассматривать ситуацию в статике, то значительную часть населения бывшего СССР по-прежнему составляют люди, жившие в СССР. Их социальный опыт, культурные коды, нарративы, даже кухня и некоторые обряды (например, салат оливье и просмотр фильма «Ирония судьбы, или с легким паром» на Новый год) во многом остаются общими. Но, во-первых, и этого не стоит переоценивать: еще во время СССР и новогодний стол, и способность понимать реалии советских мелодрам у жителей Москвы, Каунаса и бадахшанского села были очень разными. А во-вторых, ситуация не статична, а динамична. Общесоветская культура – натура уходящая, у молодежи уже совершенно другие нарративы, причем разные в разных частях бывшего СССР. И чем дальше от нас по времени будет распад СССР, тем более разнообразными будут общие культурные черты. Они будут исчезать и видоизменяться по-разному в разных регионах. Такие ключевые составляющие общего культурного модуса, как массовое знание русского языка, уже невозможно сравнивать, скажем, в Беларуси и Таджикистане.

Если говорить, например, о географии, то тут единства уже совсем не осталось. Оно исчезло почти сразу после разгерметизации советских границ. Жителю Владивостока удобнее ехать лечиться в Китай, чем в Цхалтубо. Жителю Бреста в голову не придет ехать в университет не в Варшаву, а в Ташкент, и москвич поедет кататься на лыжах скорее в Австрию или Словакию, чем в Кыргызстан. Разумеется, существует ностальгический туризм и личные связи между бывшими согражданами, но подобные мотивации уменьшаются со временем и сойдут на нет с уходом из активной жизни последнего поколения, успевшего стать взрослым в СССР, то есть нынешних 45-50-летних.

В политологии говорить о каком-то признаке, объединяющем все постсоветское пространство, уже почти неприлично. И речь тут совершенно не идет о политических формах отталкивания от прошлого, которое, как это характерно для постколониальных дискурсов, видится негативным (что, впрочем, нисколько не мешает существовать и даже нарастать постколониальной ностальгии). Чисто типологически многие постсоветские режимы даже сравнивать между собой не инструментально. Предположим, Эстонию имеет смысл сравнивать с соседствующими с ней северо- и центрально-европейскими странами, а Туркменистан – с Пакистаном или Северной Кореей. Сравнивать их друг с другом бессмысленно. Это, конечно, крайние примеры. Но и, скажем, соседствующие Армения и Азербайджан или Кыргызстан с Узбекистаном отличаются по природе режимов чрезвычайно сильно.

> Есть, тем не менее, область, в которой единство постсоветских стран релевантно. Это геополитика. Не география – постсоветское пространство не представляет собой географической общности, – а именно геополитика.

Именно в силу специфической геополитической структуры этого пространства в нем сохраняется общность, и этим постсоветское пространство кардинально отличается от, например, постбританского.

Во-первых, Российская империя была империей континентальной, как и ее наследник, СССР. То есть различные ее части образуют единое географическое целое, хотя и принадлежат к разным регионам и разным частям света. Во-вторых, постсоветское пространство собрано вокруг России, выступающей как его объединяющий элемент. При этом Россия больше всего остального постсоветского пространства вместе взятого – и по населению, и по территории, и по военному и прочим потенциалам. Постсоветское пространство невозможно

понимать без его связи с Россией. Эта связь может быть разной, от отталкивания до почти полной внешнеполитической зависимости. Но в любом случае Россия – это самый важный «другой» любого постсоветского общества. Конструкция напоминает колесо без обода, где в центре Россия, она соотносится с разными регионами постсоветского пространства спицами, идущими от центра колеса. Связи же между разными спицами в огромной степени проходят опосредовано через Россию – напрямую друг с другом эти регионы почти ничто не связывает.

Центральная Азия, Южный Кавказ, Балтия и т.н. Западное СНГ (Украина, Беларусь, Молдова) связаны почти исключительно тем, что они были частью СССР. И тем, что они все тем или иным образом связаны с Россией, вынуждены на нее ориентироваться, учитывать ее в своей политике, считаться с ней. Россия и делает это пространство геополитически объединенным. Если представить себе на секунду, что Россия исчезла, то между Кыргызстаном и Арменией не будет вообще никакой геополитической общности. В этом смысле популярное в России выражение «ближнее зарубежье» имеет прямое значение. Невзирая на всю его географическую бессмысленность, в силу которой отделенный от России двумя странами Таджикистан оказывается ближе к России, чем граничащая с ней Норвегия. Просто этот смысл не географический, а геополитический. Таджикистан, конечно же, гораздо более зависим от России, чем Норвегия, и в этом «ближе» к ней.

Конечно, и в геополитической парадигме происходят изменения, и их вектор тоже направлен в сторону разобщения. Регионы постсоветского пространства постепенно меняются, в них появляются другие игроки. На западе это Европа, в Центральной Азии – Китай и исламские государства Ближнего Востока, на Кавказе – также Европа, но одновременно и Турция с Ираном. Впрочем, геополитические изменения идут медленно, осторожно и подспудно. Даже в случае стран, казалось бы, от России сознательно отрывающихся (таких, как Украина или Грузия), довольно трудно представить себе, чтобы они не были антироссийскими, а просто не очень сильно обращали внимания на Россию. Как это делают, к примеру, Норвегия или Хорватия, входившая в состав социалистической Югославии менее тридцати лет тому назад.

Таким образом, постсоветское пространство – это пространство вокруг России. Эта ситуация будет, несомненно, меняться, потому что Россия – единственный крупный внешнеполитический игрок на этом пространстве, уменьшающий свое влияние. Влияние всех остальных, от Китая до США, наоборот, растет. Примеры

Финляндии и Польши показывают нам, как проистекает такой процесс: обе эти страны были частями Российской империи, но пост-российскими их называть никак нельзя.

Александр Искандарян
директор Института Кавказа (Армения)